

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Шураджи

«31 декабря мы с друзьями ходим в баню». Перефразирую эту фразу — 31 декабря мы с подружкой вылетели в Индию. Новый год встретили в небе в окружении индусов, тюрбанов различных оттенков и шоколадными глазами внимательно рассматривающих нас. Компанию авиалайнера разбавляла кучка англичан, смотрящих надменно на представителей утерянной некогда колонии, и громко-струящаяся речь итальянцев. Чокнувшись, и хлопнув по бокалу вина, таинственное будущее разлилось горячими ручьями в крови, пронеслось двойной спиралью в кончиках пальцев и оставило осадок перламутровой пасторали. В общем, уходящий год был непростым, а кое-кто нас оседлал, но мы справились.

Прибыв поздней ночью в аэропорт, глядя с поволокой в глаза принимающей стороны, и пройдя контроль через пропускной пункт для дипломатов, отправились за чемоданами. В воздухе витал ванильный запах геля, белого с хрустом постельного белья и огромной кровати, утопающей в номере. Но беда, не ходит одна. Мотель «Бристоль» спрятался в голубые дали. Чемоданы не прибыли в пункт назначения-1. Зная об английском языке не понаслышке, а имея какое-то представление из первых классов начальной школы и вписывая в эпоху коммунизма фразу в анкеты «читаю и перевожу со словарем», направились к стойке утерянных вещей. Индусы нас встретили миролюбиво; улыбались, расшаркивались, глядя на наши выпирающие прелести, вели себя корректно. Говорили так, что дальнейшая информация после «мадам и кен ю плиз», для меня оставалась настолько секретной, что я могла сообщить ее только при личной встрече с индусом, и пусть потом не удивляется, что я откушу ухо ему и съем. Но, думаю, олени, пронесшиеся в этот день над землей с пьяным в санях Дедом Морозом, снизошли, и задели умными рогами меня. Внезапно некоторые фразы зазвучали не на мифическом языке, а с пониманием вбрасывались в голову, перегорали как в топке и отображались в виде цифр и слов в заполняемой анкете.

— Лэдиникнэйм?

— Наталья такая-то…

— Мадам, ноу.

— Что ноу?

Тут стоящий рядом горемыка показывает мне пункт в анкете, и я вижу мейл.

— Бл… какая леди? Мейл?

— Ес, мадам.

В общем, эти минуты подходили для того, чтобы сойти с ума, или хотя бы до смерти испугаться. Я так и поступила: испугалась до такой степени невозвращению багажа, что на голове зашевелились остатки волос. Но полдела сделано, и они рьяно взялись за мою подружку. Анкету ее заполняли в благостной тишине, потому что некоторые факты им удалось выпытать из меня ранее. Далее пошел трейлер.

— Мадам, багаж нейм?

Подруга закатила глаза и вопросительно уставилась на меня.

— Какой у тебя чемодан?

Она повернулась к индусу и горделиво, с ноткой восхищения о своем драгоценном чемодане молвила:

— Самсунг.

Я не растерялась, повернулась к нему же, и заорала фальцетом на весь холл:

— Галакси С4, — и показала пальцами четверку.

Внимание минута славы начинается. Обернулись все: — за соседними столами администраторы, пограничники в зеленой форме, серый чемодан в углу, медный слон, стоящий на постаменте чуть повернул хобот и скосил глаза. Воздух замер, конвейерная лента прекратила свой бег в бесконечность, за стенкой явно упала чашка с масалой.

ЗВЕРИ СПЯТ И ТОЛЬКО ЙОЖИК ПРОДОЛЖАЕТ АЦКИЙ ОТЖИГ.

Зал взорвался, дикий хохот сотряс аэропорт от стенки до стенки, минуя бесконечные пропасти в виде утерянного багажа, металлических тележек, билбордов, отразился от темных стекол аэропорта и вернулся обратно, оседая слезами у некоторых особо утонченных натур.

— Ой, Самсонайт черный, — ответила подруга

В общем, взмыленные, счастливые и без багажа мы были доставлены в гостиницу «Ибис», дабы начать наше путешествие по стране буквально через пару часов. Телефон, деньги и косметика, (алелуйя!) остались в ручной клади.

Багаж догнал нас через два дня, когда трусы были в дырках от местной воды, мыла и наших рук трудолюбивых испанских прачек.

Специальный утешительны приз для нас ящик водки и главное не отдавать его нифига. Они так и поступили.

Гид потребовал для мальчика, пригнавшего багаж, отступных. На что мы показали красивые лиловые фиги с ободраным от каждодневных постирушек маникюром.

— Вас 20 миллионов, мы одни, на всех денег не наберешься.

Что можно сказать об Индии? Страна религиозных фанатиков, жирующих жрецов, возведенных в культ и власть спокойна. Только памятники давно минувших дней напоминают о величии страны и ее некогда былом могуществе. Чередование их с вальяжно рассекающими коровами, священными животными. Стадо диких обезьян, скачущих по стенам улиц и храмов, подкармливающих с рук туристов и дерущихся между собой. Этакие маленькие страсти и междоусобицы. Шикарное оперение павлинов, разгуливающих в грязи. Это Индия — великое и нищее в одном клубке.

Далее наш путь лежал в Непал. Гид попался молодой, интересный и внушал доверие знанием истории и языков. Он постоянно заигрывал со мной, или я с ним? Видимо сволочь внутри билась о стенки, мне хотелось некого драйва, солнечного света, как в этих великолепных и самодержавных горах, легкого журчания бирюзовой реки в разговорах и этого мальчика. Не ходи к гадалке, если я захочу, то несусь локомотивом. Кто смеет устоять против этой сносящей все на своем пути силы?

Мне казалось, что страна Камасутры оправдает мои ожидания. Эта вальяжная неспешность, сладкие речи и горящие глаза, все задействовано в круговороте энергетики, ослепительной и колоритной. Красота и величие гор, остерегающих рай от вторжения извне, благодушие и благородные манеры народа, населяющих этот край. В общем, звезды легли так, и я вытянула туз червей. Но будет ли он тузом? Вот в чем вопрос.

Соблазнила его моментально одним движением широко распахнутых глаз. Он не сопротивлялся, и в перерыве между экскурсиями, я припечатала его к стене плавными изгибами своих форм, чтобы не трепыхался и тихо молвила:

— Добрых дней, красавчик. Сегодня встретимся, можем поехать в колумбийские джунгли к партизанам, можем на Ибицу, где холодно и дождь, но ты уж расстарайся взять дешевый

номер в нашем отеле, на чем и остановимся — и повела бровями вверх-вниз, обвела губы язычком и была чертовка такова. Он признаться опешил от такого напора, благо рот его не был занят, а ежели б вино благородное пил, то немедленно бы им фонтанировал через ноздри.

Мы крутили барабаны ступы, зашли в храм, крутануть огромный барабан и за ним, чтобы не увидели посетители, он смазанным движением губ поцеловал меня в щеку.

— Да, биатлонист из тебя никакой. Целься в десяточку, детка, — показала пальчиком на ширинку красных джинс.

Но это ниибическая храбрость совершить такой поступок в храме. Я впечатлилась. Будда тебя не простит, Наталья, ты увела лучшего сына в ряды классического секса, можно сказать на передовую.

— А теперь сэлфи, дорогой, скажи ЧИЗ!!!

Так я запечатлела этот исторический момент на камеру айфона.

Что сказать о Шураджи? Выглядит он креативно. Серые наутюженные брюки, серая фуфайка «Marmout», одетая поверх белой в голубую полосу рубашки. Красная шапка-селедка в двадцати градусную жару, чтобы его вид вызывал жалость и его не убили в конце поездки. Высокий среди непальцев, средний среди европейцев. В общем, чужой среди своих, свой среди чужих. Темная кожа, сандалового дерева ярким пятном выделялась на фоне одежды, что делало его интересным. Красивые карие глаза, с отблеском далеких галактик внутри зрачка. Жизнь плескалась в нем подобно огромному океану водного мира. Видимо, я сильно приукрасила моменты лучистой красоты в нем, чтобы распалить своё воображение и красивым менюэтом провести в бело-шоколадную кровать.

Все случилось буднично, как в немецкой порнухе. Номера ему не досталось, он собрал свой туристический рюкзак с двумя трусами и трениками, и отбыл в отель, расположенный на другом конце города.

Однако ровно в шесть, когда город накрыл закат, а горы в ярко-красной дымке смотрели белыми концами шпилей на суету жизни, он прибыл в мой отель на такси. Я спустилась, чтобы мы смогли уплыть на маленьком дребезжащем такси в наш секс. Обслуживающий местный персонал смотрел на нашу пару недоуменными взглядами. Мы делали вид, что я отбываю за контрольным пакетом акций, который срочно нужно просмотреть перед утренней встречей в верхах. Никто и пикнуть не успел, как я махнула ручкой пяти звездам и направилась в две.

Вы знаете, когда спускаешься в лифте с пятого уровня на второй, то жизнь меняется, подобно игре. Пятый — сложный и громоздкий, в нем много ловушек и ситуаций, которые можно открыть, подобрав определенный ключ и код, а второй — легкотня, можно пройти с первого раза. Не надо держать марку, можно расслабиться и позволить себе маленькие шалости, чтобы вновь поднявшись наверх, застегнув лацканы сюртука, сделать лицо благообразным и недоступным, высокоинтеллектуальным. Пройденный второй уровень останется забытым и недостойным внимания.

Шураджи решил показать себя Зорге.

— Натася, я пойду первым, а ты погуляй по магазинам и через пять минут поднимайся ко мне. Тебя никто не остановит. Только тихо, не привлекай внимание.

— Конечно, дорогой. Я же непальская девушка, маленького росточка и с обветренной в

темный шоколад кожей. Никто и не заметит такую серую мышь. Иди и жди, не волнуйся, — сказала я и хлопнула его по заднице, чем придала ускорение его ногам.

Моего появления никто не заметил. Местный администратор выронил газету и сделал вид, что ищет потерянную букву на полу. Притихшие по углам остальные, отвернули головы и уперлись взглядом в стенку, чтобы не лицезреть эту красоту. Может они молятся, чтобы привидение покинуло сию обитель? Начала подниматься по лестнице, и в спешке сбежавший непалец, притормозил, как перед спящим полицейским и молвил мне:

— Намастэ!

— Нихао, чувак! — сказала и продолжила свое королевское шествие в номер без света.

Серой тенью Шураджи выделялся на фоне темно-серого коридора. Блять, ну почему так? Такие яркие краски в этой стране, а знаки нашего с ним секса все черные и серые. Видимо ничего хорошего не предвещается.

— Натася, — полушепот застрял в метре от его фигуры.

— Что? — хотела сказать я, но подумала, что мой голос разбудит всю округу и местных обезьян, подвизавшихся на дереве.

Я зашла в черную комнату, с черным Шураджи, с черной кроватью и черной рукой. Отдай моё сердце, блять. Упасть и не встать от такого испуга. Он схватил меня и прилип губами к моей щеке, потом видимо оценив промах, начал несмело целовать, найдя губы.

Тут включается медленная киносъемка, голос растягивается в пространстве, как от первой затяжки травы. Его руки медленно меня исследуют, движения как в разряженной атмосфере космоса. Некоторым нравится ебаться с космонавтами — стильно и футуристично, под лунную сонату. Ты падаешь в маленькую смерть долго, упоенно и годы на земле летят, а у тебя прошло только сорок секунд.

Может, у меня давно не было секса? Дней шесть, но я не собиралась здесь застревать на вечность. Лифт внезапно сломается, и я не попаду на свой этаж.

Рывком бросила его на кровать и села сверху. Он такого перфоманса, его глаза засветились в ночи, и внезапно вспыхнул свет. Будто ужаленный скорпионом, он вскочил и начал метаться по комнате, задергивая задернутые шторы, поправляя складки на обоях, полотенцах и постели.

— Шураджи, иди сюда, детка. Не паникуй.

— Натася, говори тисе. Нас могут услышать.

— И что? Пусть завидуют и дробчат в своих каморках.

— Так незя.

— Плюнь. Иди ко мне, быстро. Брось ты эти шторы. Не писяй, оставлю в живых.

Мой блудливый вид богини Лакшми внушил уважение, он щелкнул выключателем, увеличил громкость телевизора и кинулся на амбразуру судьбы.

— Раздевайся, детка. Хочу тебя, — дрожащими руками я расстегивала его серые брюки и зубами снимала свою кофту. Одной ногой я сняла свои штаны, средним пальцем второй ноги я выворачивала его из кальсон. Да они такие теплолюбивые, как динозавры. Скоро вымрут с таким глобальным потеплением.

В темпе книги рекордов Гиннеса, мы разделись. Схватив его темно-шоколадный хуй, взяла в рот, облизнула, как горячий кофе и понесла его в Изумрудный город, где он не был никогда и не играл с Урфином Джусом.

— Где гандон?

— На кровати.

С трудом найдя, попыталась одеть. Тут с криком раненной птицы он отваливается на бок, и я теряю его.

— Шураджи, одевай его и давай уже как-то ебаться.

Мгновенно натягивает, я вскакиваю на него сверху, как акробат в цирке и чувствую, что кончила. Влага распространяется по всей моей киске, оседает во впадинках, перебирается на ляжки.

— Не поняла, я что, блять, кончила?

— Да.

— Это такой аттракцион? Ты случаем не Гудини? Не могу поверить…

Сползаю с него, и гандон остается внутри меня, а его хуй дряблым флажком бьется о промежность и затихает.

— Нифига себе постановочка. Ты кончил в гандон, когда одевал его.

— Нет, Натася.

Ну что сказать? Поняла, что видимо он не герой моего романа. Секс-образы, нарисованные мною в фантазиях, не соответствовали действительности даже в сотой доле проявления. Такой бесславный конец.

— Шураджи, детка, не спать. Завтра елка. Замерзнешь. Выеби меня пальцами.

Он вставил два пальца в мою киску и начал шурудить в ней, пытаюсь найти остатки смысла этой ебли.

— Да, дорогой отлично. Теперь сделай вот так, несинхронно. Ооо, ты просто прелесть. Да, я сейчас кончу, вот так, дадада… ааа..

Я упала рядом с ним, удовлетворенная грамм на пятьдесят.

— Натася, мы сейчас продолжим. Пока отдохнем.

Он начал мять мое тело, восхищаясь большими сиськами и называя их яблоками. Живот, ляжки, будто никогда не держал в своих руках такого богатства, щедро подаренной русской землей. Не держал, однозначно.

Ну что сказать о втором разе? Опять минет, который ему никогда в жизни не делали, и чувак в раю, рассказывает своим индустам о прелестях русских женщин и показывает на губах, как они сосут хуй.

— Давай ты сверху, а я буду подпрыгивать…

Епта, щелкунчик-мандригал. Сплошное разочарование этот секс и удивительнейшая поебота.

— Шураджи, дай сфоткаю твой хуй себе на память.

— Неть.

— Чой-та? У меня все мои поцаны запечатлены.

— Покажи.

— Вот.

Красивый хуй, огромных 20 — сантиметровых размеров смотрел с экрана в лицо Шураджи, глумился и затмевал его своей ослепительной белизной, твердостью и уводил в бескрайние просторы мирового сообщества русских хуев, где ему, непальскому мальчику с гор, не было места.

— Хоросо. Только когда он встанет.

Этот гид выклянчивает минет. Но что для нетренированного тела минет? Два раза провести

языком, всосать поглубже и вуаля — снимок готов.

Я вывалилась в ночь, как после прогулки с собакой — бодрая и спокойная, готовая к новому трудовому дню. Меня не болтало после секса, как царя Гвидона в бочке. Улицу освещали витрины лавчонок, издавала местная музыка, звеня бубенцами и барабанами. Ром я найду в баре перед обратной дорогой. Расположилась в кафе на углу, сделала заказ.

Расплылась по ротанговому креслу и смотрела на быстрые национальные танцы, которые навевали зевоту и тревожное ощущение за дальнейшее бурное развитие страны.

Прискакал Шураджи в красной шапке, чтобы не светиться перед официантами, конспиратор, блин. Сел, ака Херувимы есмь, и с тоской вглядывался в моё лицо.

— Тема ебли не раскрыта. Шураджи в топку, Наташу в Амстердам в ссылку, — хотелось ответить на немой вопрос в его глазах, но промолчала, ухмыльнувшись.

Тепло разлилось по телу. Вот сидишь ты тут напротив меня, Шураджи, и думаешь:

— С Наташей я не хотел встречаться. Она хоть и не носит в последнее время трофейный вальтер в сумочке, но один фиг ей сильно не поперечешь.

Можно было бы бухать без закуски, но это пошло. Заказав кофе, выпила его в тишине.

Минута молчания, товарищи. Шураджи расплатился, и мы прошествовали на стоянку такси.

— Если завтра, дорогой, я скажу тебе «по минетику», ты не испугаешься?

— Ты хочешь еще завтра встретиться? — глаза его расширились, как зрачки от герыча, и стали безумно вращаться. Но спасения не последовало, Чип и Дейл не пришли ему на помощь.

— Что неожиданный такой вираж и поворот сюжета? — всмотрелась в его объятые ужасом глаза.

Уйти с вечеринки трезвой, не постебавшись над виновником торжества? От этого прямо таки разит фразированием и надменностью. Подобного нельзя себе позволять и портить реноме.